

Фаддей Францевич Зелинский

Древнегреческая религия

Фаддей Зелинский
Древнегреческая религия

«Public Domain»

1918

Зелинский Ф. Ф.

Древнегреческая религия / Ф. Ф. Зелинский — «Public Domain»,
1918

«Среди всех так называемых „языческих“ религий нет ни одной, которая была бы нашей интеллигенции в одно и то же время и так хорошо известна и так глубоко неизвестна, как древнегреческая. Это может показаться парадоксальным, и тем не менее это так...»

© Зелинский Ф. Ф., 1918

© Public Domain, 1918

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Фаддей Зелинский

Древнегреческая религия

Глава I

Введение

§ 1

Среди всех так называемых «языческих» религий нет ни одной, которая была бы нашей интеллигенции в одно и то же время и так хорошо известна и так глубоко неизвестна, как древнегреческая. Это может показаться парадоксальным, и тем не менее это так.

Ее известность – осадок двух эпох. Во-первых, эпохи французского классицизма (не будем заглядывать далее) XVII в. с его культом греческой мифологии и в поэзии, и в изобразительном искусстве, и во всей тогдашней «галантной» жизни. Как известно, этот классицизм перекинулся и к нам, изучение греческой мифологии стало обязательным предметом несложного образования немногочисленной русской интеллигенции, и краткое греческое руководство Аполлодора стало первой грекоязычной книгой, переведенной и напечатанной по-русски по приказу самого императора Петра I. Отсюда популярность греческих богов – правда, по традиции того же французского классицизма, более в их латинских наименованиях. Они положительно вытеснили из сознания людей христианских святых; и верующий интеллигент, для которого и св. Пантелеймон, и св. великомученица Варвара, и даже сам св. Николай Чудотворец были лишь простыми, хотя и произносимыми со священным трепетом именами, – соединял в то же время очень определенные представления с Зевсом-Юпитером и Герой-Юноной, со строгой Палладой-Минервой и легкомысленной Афродитой-Венерой, с воинственным Марсом и хитрым Меркурием.

Определенные, без сомнения; только правильные ли? Вот вопрос. И ответить на него приходится: нет, безусловно неправильные. Именно популярность греческой мифологии была сильнейшей помехой пониманию греческой религии: она была одной из главных причин того, что эту греческую религию, как таковую, отказывались принимать всерьез. Тон задавал Овидий, певец галантного Рима эпохи Августа, столь родственной по настроению веку французского короля-Солнце; а в роскошном цветнике его «Метаморфоз» можно было найти какой угодно аромат, кроме религиозного. Неисправимый волокита Юпитер, ревнивая и сварливая Юнона, вороватый Меркурий, кокетливая Венера, склонный к выпивке Вакх – помилуйте, какая же это религия!

Это, повторяю, осадок одной эпохи, эпохи французского классицизма. Ее вредное влияние было отчасти уравновешено концом XVIII в. и началом XIX, эпохой так называемого «неогуманизма» – Винкельмана, Гете, Шиллера. Произошла реакция, но главным образом на эстетической почве. Зевс Фидия даже в тех позднейших преломлениях, которые только и знал Винкельман, – это все же не овидиевский сластолюбивый вельможа, и Гете не даром так любил его супругу, мнимополиклетовскую Геру, от которой на него веяло, «как от поэмы Гомера». И все же эта реакция, самым красноречивым выражением которой был восторженный гимн Шиллера в честь «богов Греции», была исключительно эстетического характера: античные божества, объявляющиеся в красоте, противопоставались христианскому в его исключительной духовности; и когда Гете в незабвенной сцене изобразил свою замученную Гретхен в молитве перед Богородицей – «о склони, Многострадальная»... – ему и в голову не приходило, что в

сущности она у него призывает прямую наследницу древней богини, прообраза скорбящих, Деметры.

Требовалось очень внимательное изучение древнего мира для того, чтобы греческая религия получила свою справедливую оценку; это изучение производилось, разумеется, в недрах науки о древнем мире – классической филологии. Не сразу были найдены верные пути: иные прямо завели исследователей в дебри, другие, будучи сами по себе хорошими, все же не вели к той цели, которую мы имеем в виду здесь. Увлечения винкельмановских времен в связи с мистицизмом Сведенборга и Калиостро (прошу припомнить настроение нашей Александровской эпохи) повели к пышному расцвету древнегреческого «символизма» (Сент-Кроа, Крейцер), вызвавшему в свою очередь крайнюю реакцию в духе минувшего «просветительства» (Фосс, Лобек), после которой как-то неловко было даже заикаться о благодати элевсинских мистерий. Богатый сравнительно материал, доставленный изучением священных книг Индии и Ирана, поставил ребром вопрос о происхождении греческих представлений о богах; решали его обыкновенно в духе физического монизма, исходя либо от световых («соляная теория» Макса Мюллера и др.), либо от атмосферических явлений (Форхгаммер). Но не говоря уже о несомненных односторонностях и заблуждениях, ясно, что греческая религия как таковая могла быть только затемнена всеми этими толкованиями. Пусть Паллада-Афина была первоначально грозовой тучей, что очень вероятно; все же это была не та Афина, которая, по религиозному представлению Солона, простирает свои руки над его родиной и своим великодушным заступничеством спасает ее от гибели. – Ясно, что и методы «исторической школы», изучавшей развитие культов в ранние эпохи странствований и скрещений греческих племен, непосредственно не вели к выяснению сущности греческой религии; и если тем не менее имя основателя этой школы, Отфрида Мюллера, должно быть названо с честью как имя одного из главных иерофантов эллинизма, то это благодаря тому, что он и в своих книгах об истории греческих племен, и в своем издании «Евменид» Эсхила сумел соединить генетическую цель своих трудов со служением той задаче, о которой речь идет здесь.

В настоящее время света уже пролито достаточно; внутри классической филологии серьезная оценка древнегреческой религии – совершившийся факт. Если – чтобы назвать только двух ее корифеев – Эрв. Роде говорит, что «самые глубокие, как и самые дерзкие мысли о божестве были продуманы в древней Греции», если Виламовиц называет эллинов «самым благочестивым народом мира», – то смысл совершившегося переворота ясен. Все же в сознание интеллигенции он еще не проник; это раз. А затем – подробное изложение греческой религии по-прежнему остается задачей будущего. Само собой разумеется, что оно должно быть дано на исторической почве; но хотя и имеются сочинения, гордо называющие себя «Историей греческой религии», все же это в лучшем случае – хорошие сборники материалов. Автора этих строк не покидает надежда, что ему будет суждено заполнить этот важный пробел; в каком духе он предполагает это сделать – это показывают соответствующие главы его конспективной «Истории античной культуры» (изд. Сытина). Но здесь его задача другая: историческая точка зрения остается в стороне, будет изложена, так сказать, сущность греческой религии в эпоху расцвета греческого народа.

§ 2

Но где же мы ее найдем, эту «сущность» греческой религии?

Ответ затруднителен; и именно в этой затруднительности заключается внутренняя причина того незнакомства европейской интеллигенции с греческой религией, о которой была речь до сих пор.

Где найдем мы сущность христианства? – в Евангелии. – Сущность иудаизма? – В Торе и пророках. – Сущность ислама? – В Коране. Все это – канонические книги, каждая строка

которых характерна и обязательна для приверженцев соответствующих религий. Получились они благодаря наличности основателя религии и могущественного духовенства, оберегавшего (действительную или мнимую) чистоту его учения от посторонних вторжений. Ни того, ни другого в древнегреческой религии не имелось – в этом ее сила, в этом и ее слабость. Самое понятие «канона» было в этой области органически противно свободолюбивому духу эллина. Совершенно правильно отцы церкви называли эллинизм «отцом всех ересей»; слово «ересь» означает «выбор», а право выбора было для эллина неотъемлемым признаком умственной свободы. Какова «природа» божества? Есть ли это чисто духовное, нематериальное существо? Или оно лишь соткано из более тонкой, нетленной материи, из «небесного эфира» и поэтому не подвержено обмену веществ, не нуждаясь ни в пище, ни в питье, ни во сне? Или, наконец, оно вообще вроде человека, но имеет в своих жилах не кровь, а «ихор», питается не хлебом, а нектаром и амброзией, и потому не старится и не умирает? Все эти мнения были высказаны; каждому было вольно признавать правильным то, которое ему было понятнее и доступнее, и на смех были бы подняты те, кто вздумал бы призывать небесные и земные громы на инакомыслящего и верующего. Но зато, когда засверкает на небесах полная луна месяца Гекатомбеона, тут уже каждый афинянин выйдет на улицу, на площадь Акрополя смотреть торжественное шествие старцев, юношей и дев через Пропилеи к храму Афины-Градодержицы, в священном трепете дрогнет его сердце при звуках старинного гимна в честь ее – «Грозную дочь Громовержца восславим», – и счастлив будет тот, кто увидит свою молодую дочь среди кошеносиц богини.

Итак, нет для эллинской религии канонической «книги»; это раз. Но нет также и того, что выручает исследователя индийской, египетской, вавилонской религии – богатой богословской литературы. Правда, это уже не органический, а случайный недостаток. Греческая религия тоже была (т. е. считала себя) богооткровенной, она тоже имела свои богоявления и своих пророков. Но богоявления, поскольку они выражались в откровении обрядности и учения, вели к установлению тайных (мистических) культов, которые оставались наследственными в роде избранника. Так, Деметра объявилась элевсинским царям Келею и Метанире, и ее «тайнства» остались наследственными в роде Евмолпидов – тайна так и не была обнаружена. Пророков древняя Греция знала немало – я говорю именно о «пророках», а не о прорицателях – от мифических времен и до полного расцвета исторических: Меламп, Орфей, Мусей, Гесиод, Эпименид Критский, Пифагор, Эмпедокл, Диотима. И имелась богатая литература, стихотворная и прозаическая, прямо или косвенно к ним восходившая. Но нам, к сожалению, от этой литературы почти ничего не сохранилось; сущность греческой религии, поэтому, мы найдем не в ней.

А где же?

Везде – и в этом огромная трудность нашей задачи.

Прежде всего, во всей литературе без исключений нет положительно ни одной отрасли, которой мы бы не были обязаны тем или другим важным свидетельством в области интересующих нас вопросов. Но все же литература запечатлена индивидуальностью тех авторов, которые ее составляют; для контроля с точки зрения «среднего эллина» очень важны эпиграфические свидетельства, постановления общин в религиозной или смежной с религией области, выражения религиозных чувств заурядных граждан в надгробиях, посвящениях и т. п. И, наконец, ясно, что и изобразительная традиция – статуи, рельефы, стенопись, вазопись – для такой религии, как греческая, имеет первостепенное значение; достаточно напомнить, что именно она открыла глаза на нее Винкельману и его последователям.

Я назвал трудность, порожденную этим обилием источников, огромной; действительно, она заключается не в одной только необходимости владеть всем этим необозримым материалом, но также и в пестроты и противоречивости извлекаемых из него свидетельств. Аркадские пастухи секли крапивой кумир своего Пана, если их надежда на господское угощение была обманута – что это, «греческая религия»? Да, конечно, раз аркадцы были греками. Сократ

молился богам, чтобы они посылали ему благо, даже если он их не будет об этом просить, и не посылали зла, даже если бы он стал их об этом просить; и это «греческая религия»? Очевидно, да, раз Сократ был греком. И между этими двумя полюсами – какая пестрая радуга и яркой, и тусклой окрашенности религиозного чувства! Как поступить, чтобы не рябило в глазах?

Сами древние задавали себе уже этот вопрос и отвечали на него – приблизительно с III в. до Р. Х. – следующим образом. Есть не одна религия, а три, обязательность которых неодинакова. Во-первых, религия поэтическая – она же и мифология. Она ни для кого необязательна; а впрочем, каждый волен путем аллегорического толкования приобщить к своему религиозному сознанию ту или иную ее область и этим перевести ее во вторую религию. Эта вторая религия – религия философская. Она не едина: иначе понимает божество Академия, иначе Лицей, еще иначе Стоя и подавно иначе Эпикур. Об обязательности, поэтому, и здесь не может быть речи; пусть каждый, пользуясь своим «правом выбора» (*hairesis*), идет туда, куда его тянет, сохраняя также возможность не идти никуда, если его никуда не тянет. Карой за неправильный выбор будет душевная неудовлетворенность, карой за отказ – душевное убожество; но громко высмеян был бы тот проповедник, который стал бы угрожать «иноверцам» вечными мучениями на том свете. Наконец, третья религия – религия гражданская; она, действительно, обязательна для гражданина как для такового. Но она обязует его только к участию в общих государственных культах, не связывая его совести каким-нибудь догматом – религиозного насилия и гнета, таким образом, и здесь не было. Будучи избран архонтом, афинский гражданин в определенный день бросит щепотку ладана на пылающий жертвенник Артемиды; со стороны религиозного человека этот акт означал: «верую в Артемиду»; со стороны вольнодумца – «исполняю долг архонта афинского народа». И не тот был изувером, кто при данных обстоятельствах подчинялся старинному обычаю, а тот был бы изувером, кто бы вздумал протестовать против этого безобидного подчинения.

Как видит читатель, эти три религии соответствуют приблизительно тому, что мы ныне называем повествовательной, догматической и обрядовой частью единой религии; и в этом заключается причина, почему мы в настоящем очерке не можем ограничиться какой-нибудь одной из них, будь это даже наиболее обязательная из них – гражданская – картина получилась бы неполная.

А так как объять все проявления греческого религиозного чувства в этом кратком очерке и подавно невозможно, то остается один исход – думается, вполне удовлетворительный. Мы возьмем самих себя, верующих христиан из интеллигенции; мы перенесем себя в Афины IV–III вв. до Р. Х. и постараемся ответить на вопрос, какова была бы наша вера, если бы мы со своей душой и ее запросами жили тогда, Мы, конечно, набожно справляли бы установленные отцами праздники, и наша великодушная заступница там, на Акрополе, имела бы в нас своих самых ревностных почитателей; мы приобщились бы отрадных тайн Элевсинской Деметры с их глубокомысленным учением и возвышающей душу обрядностью, чтобы уготовить себе лучшую участь в загробном мире; мы еще со школьной скамьи знали бы основательно всего Гомера, но, разумеется, не сомневались бы в том, что если у него Зевс угрожает Гере побоями, то это значит только, что одетое в тучи небо хлещет своими молниями воздушное пространство; мы исправно в Великие Дионисии смотрели бы трагедии наших великих поэтов – Эсхила, Софокла, Еврипида – благо наш мудрый правитель Ликург позаботился о том, чтобы они не сходили с оркестры и сцены Диониса; но мы прислушивались бы также и к вдохновенной проповеди учеников Платона в Академии, к тонким рассуждениям Аристотеля и его последователей в Лицее, к словообильным лекциям Зенона в Пестрой Стое, а иногда заглядывали бы и к праведному вольнодумцу Эпикуру в его соблазнительный «сад». И вот из всех этих элементов и составила бы наша вера – то, что для нас здесь является сущностью «древнегреческой религии».

... Читателя не удивило, что я обращаюсь не просто к интеллигенту, а именно к интеллигенту верующему – умом, сердцем, воспоминанием, все равно? Действительно, как это ни странно, но мне пришлось впервые формулировать правило, которое скоро, надеюсь, станет трюизмом: «Как не может понять греческого искусства человек, лишенный художественного чувства, так не поймет и греческой религии тот, в ком религиозное чувство отсутствует». Религиозное чувство – это и есть та магическая палочка, которая вздрагивает всякий раз, когда проходишь мимо подлинного золота народной веры, и остается недвижимой перед свинцом и мишурой. У кого она есть, тот легко разберется в лабиринте сказаний и обрядов древней Греции; у кого ее нет, того никакая ученость не вывезет. Устрашающий пример – объемистое сочинение Отто Группе: его полнота поразительна, это одна из настольных книг для всякого исследователя в нашей области. Но в то же время, это – все что угодно, но только не изложение религии: то, что вы у него читаете, никогда ни для кого не могло быть предметом веры. Будучи сам атеистом, автор не чувствует разницы между живым и мертвым также и в том, что идет под ярлыком «греческой религии».

Правда, не менее бесплодна и другая крайность – изуверство. Кто считает нехристями и нечестивцами всех людей иного вероисповедания, тому лучше не трогать греческой религии. И тут аналогией может служить искусство. Не только человек, лишенный художественного чувства – также и тот, кто односторонне и беззаветно отдался одному какому-нибудь из враждующих направлений, окажется неприспособленным для восприятия произведений греческого резца: кто не признает искусства вне сферы «Монны Иды», тому Пракситель ничего не скажет.

Итак, читатель, мы условились. Возожгите в вашем сердце яркий светоч религиозного чувства и оставьте дома тусклый фонарь конфессионализма; тогда величавый храм греческой религии покажет вам свои чудеса.

Глава II

Обожествление природы

§ 3

Основой – быть может, самой глубокой – религиозного чувства древнего эллина было сознание таинственной жизни окружающей его природы. И не только жизни, но и одухотворенности; и не только одухотворенности, но и божественности. И это – первое, что требует объяснения для современного человека.

Слово «жизнь» следует понимать не в том смысле, в каком мы обычно противопоставляем «живую» природу, т. е. органический мир животных и растений, «мертвой», т. е. неорганическому царству минералов. Для греческого сознания мертвой природы не было: она вся была жизнью, вся – духом, вся – божеством. Не только в своих лугах и лесах, в своих родниках и реках – она была божественна также и в колышущейся глади Своих морей, и в недвижном безмолвии своих горных пустынь. (4 здесь даже более, чем где-либо. Здесь, где нас не отвлекают отдельные жизни роц и лужаек – здесь сильнее чувствуется Единая жизнь Ее самой, нетленного источника всех этих отдельных жизней, великой матери-Земли. Ей поклоняются среди белых скал; она

Царица гор, ключ жизни вечный, Зевеса мать самого
Софокл

Одному русскому поэту почти что удалось возвыситься до этого сознания; это был Лермонтов в его известном, прекрасном стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива»... Но и он остановился на полпути. Остановку я чувствую в последнем стихе:

И в небесах я вижу Бога

Здесь сказалась отрава, внесенная иудаизмом в христианство и через него в души потомков эллинизма. Почему в «небесах»? Разве там «волнуется желтеющая нива»? Да, конечно, ветхозаветная религия насильственно отвлекает ваше естественное чувство благодарности от того, что вас непосредственно ласкает и холит, к предположенному творцу:

«Кто шествует по дороге, и „повторяет“ (Закон), и прерывает это повторение, и говорит: „Как прекрасно это дерево“, – тому Писание вменяет это в вину, лишаящую его права на жизнь» (Пиркэ Абот).

Древний эллин был счастливее; для него этот расхолаживающий обход не был нужен, он чувствовал и видел бога в ней самой, в желтеющей ниве, в душистой роще, в наливающейся благодати плодового сада. Он окружил себя и свою человеческую жизнь целым сонмом природных божеств, то ласковых, то грозных, но всегда участливых. И, что важнее, он сумел вступить в душевное общение с этими божествами, преломить их жизнь в своем сознании и влить в них живое понимание себя. К нему фаустовский Нострадамус не обратился бы с укоризненными словами:

Мир не закрыт духов природы –
Ты слеп умом, ты мертв душой.

После крушения античного мира и это осчастливливающее сознание исчезло из человеческой души, хотя и не совсем: древнехристианские религии сохранили его зародыши, и у лучших представителей этих религий они дали и довольно яркие плоды, как у того Франциска Ассизского, когда ему через пелену иудаизма открылась истинная, античная подпочва христианства... Вернемся, однако, к эллину.

Из недр земли, из расщелины скалы бьет прохладный родник, распространяя зеленую жизнь кругом себя, утоляя жажду стада и их владельца: это – богиня, нимфа, наяда. Воздадим ей лаской за ласку, покроем навесом ее струю, высечем бассейн под ней, чтобы она могла любоваться на его зеркальной глади своим божественным обликом. И не забудем в положенные дни бросить ей венок из полевых цветов, обогреть кровью закланного в ее честь ягненка ее светлые воды. Зато, если мы в минуту сомнения и душевной муки придем к ней, склоним свое ухо к ее журчанию – и она вспомнит о нас и шепнет нам спасительный совет или слово утешения. А если то место, где она струит свои ясные воды, удобно для человеческого селения – здесь может возникнуть и город, и будет ей всенародная честь, всеэллинская слава. Такова Каллирроя в Афинах, Дирцея в Фивах, Пирена в Коринфе. Будут каждое утро сходиться к храму наяды городские девушки, чтобы наполнить ее водой свои кувшины и потешить ее участливый слух своей девичьей болтовней, и будут граждане в ее очищающих струях омыwać своих новорожденных детей.

Течет ручей, соединяется с другим ручьем, образует реку; тут представление ласки уступает уже место другому представлению – силе. Правда, больших рек Греция не знает, самых крупных из них – Пеней, Ахелоя, Алфея, Еврота – не сравнить даже с нашими Мстой или Мологой. Но все же в половодие и они могут произвести немало опустошений, бросаясь на пажити и посевы, ломая встречные деревья со стремительным напором разъяренного быка. Их и представляли, поэтому, в виде быков или полубыков. Но все же их гнев был редким явлением, вызываемым обыкновенно нечестием граждан, творящих кривой суд у себя на городской площади, прогоняющих Правду со своих сходов; в другое время это – благодетельные божеества, орошающие своей влагой не только прилегающие луга и леса, но – благодаря отведенным каналам – и всю равнину; они поистине в малодождной Греции «кормильцы» своей страны. За это им и честь воздается. Им строят храмы на удобных местах, приносятся жертвы; они призываются в государственных молитвах, и уже обязательно мальчики, достигшие возраста эфэбов, посвящают им первую срезанную прядь своих волос. Таковы, помимо вышеназванных, Кефис для Афин, Исмен для Фив, Инах для Аргоса. Будучи кормильцами всей страны, они влияют таинственным образом и на человеческий урожай – к ним обращаются бездетные родители с мольбой о потомстве. И если вам встретятся среди множества греческих имен такие, как Кефисодот, Исмений или Анаксимандр (т. е. «меандр») – вам уже нечего спрашивать, откуда родом их носители. Но речной бог не только в мирное время кормилец своих граждан, он и в военное был для них оплотом, притом не только физическим, но и религиозным. Как ни мала речушка Инах – ее буквально курица вброд перейдет – а все-таки спартанский полководец Клеомен, идя походом на Аргос, не решился переправиться через нее, когда ее бог после многих жертвоприношений не дал ему на это своего согласия.

Своим божеством живет и роща, – и притом не только как таковая, но и в лице отдельных своих деревьев. И здесь мы имеем нимф, древесных нимф, дриад; они счастливы тем, что их много: зато они в лунные ночи покидают свои деревья и сплетаются в хоровод под предводительством своей повелительницы, богини рощ Артемиды. Но божественно и одинокое дерево, если оно могуче и прекрасно – таков тот чинар на берегу афинского Иллиса, под которым некогда отдыхали Сократ с Федром...

«Как он раскидист и высок, этот чинар, как высок и тенист и растущий под ним агнец; он в полном расцвете теперь, наполняя все это место благовонием. И что за чудный родник

течет под чинаром! Как холодна его вода – и ногам заметно. Куколки привешены и другие приношения – видно, здесь святыня нимф или Ахелоя» (Платон).

За ласку надо платить лаской, мы это уже знаем, а это ли не ласка – прохладная тень в знойную пору, приветливый шелест подвижных листьев, пенье... если не всегда птичек, то хоть милых греческому сердцу цикад. Во всем этом чувствуется любовь; а где любовь, там и бог.

Но нимфы знают и другую любовь. Ведь роща, лес – это вечное, неустанное плодотворение, созидание той физической жизни, которой живет природа. И для эллина его нимфа – это неустанная оплодотворяемость, неустанная любовная игра с шаловливыми представителями оплодотворяющего начала леса, с сатирами, – а иногда и с тем высшим богом, который из верховного бога-творца и оплодотворителя у себя в Аркадии превратился для прочей Греции в бога-странника, ласкового и беспечного Гермеса. Это уже к смертным не относится... а впрочем, есть исключения. Бывает, что и смертный за свою красоту удостоится ласки божественной нимфы: рассказывают это между прочим про одного прекрасного пастуха, Дафниса. Не впрок пошла ему любовь богини: он осмелился изменить ей ради смертной, за что, слепец, и был наказан действительной слепотой. И когда в роще, на поляне находили младенца дивной красоты и силы – невежды терялись в догадках и сплетнях, но опытные старушки знали, что это дитя нимфы.

А там выше и выше – на Гиметте, Пентеликоне – там уже нет лесов и деревьев, туда только козы заходят щипать колючую зелень, пробивающуюся между белыми глыбами известняка. Там все чаще и чаще виднеются голые громады скал с их причудливыми выступами и пещерами. Это царство нимф-ореад, обитательниц горных пустынь. Там в пещерах они ткут свои тонкие, невидимые ткани, сопровождая песнью свою работу; никто из смертных не дерзнет их подслушать и подглядеть, но их станки можно видеть днем, войдя в их пещеру – разумеется, после надлежащей молитвы. Им приятны и другие знаки внимания – намащение елеем выступа скалы, прикрепление повязки, скромное жертвоприношение на алтаре у входа в пещеру. Они не останутся в долгу; кто же, как не они, бережет драгоценный источник, бьющий на вершине? Кто, как не они, не дает заблудиться нашей козочке среди утесов?

Впрочем, нет: тут они действительно имеют соперника. Это – гость из Аркадии, сравнительно недавно приобщенный к сонму общегреческих божеств, причудливый дух-хранитель коз, козлоногий Пан. Если мы называем его «богом», то просто потому, что мы этим именем называем всякое могучее, бессмертное существо; на деле же мы прекрасно понимаем разницу между ним и великими олимпийскими богами. Позднее дурная совесть религии, порвавшей с природой и матерью-Землей, превратила его в беса; но мы его любим и уважаем, ласкового горного бога со звонкой свирелью. Правда, мы знаем за ним и немало причуд, даже не считая тех, о которых могли бы рассказать его соседки, нимфы-ореады. В полдень он изволит почи-вать (это – «час Пана»), и горе тому неосторожному пастуху, который вздумал бы в это время забавляться игрой на свирели. Как высунет потревоженный свою косматую голову из-за утеса, как рявкнет на всю гору – помчатся вниз по камням испуганные козы, сбивая с ног и друг дружку и оторопевшего пастуха. Да, будет он помнить Пана и его «панический» страх!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.